УДК 304.2

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМА УТРАТЫ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна,
Южный федеральный университет,
Институт философии и социально-политических наук,
профессор кафедры истории философии,
доктор философских наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация
Статья посвящена вопросу о том, как цивилизационная парадигма определяет мировоззренческие позиции людей. Автор показывает, что традиционное общество, построенное на передаче фундаментальных установок и ценностей, давало людям твердые ключевые ориентиры как в обычных, так и в пограничных ситуациях. Современная рыночная высокотехнологическая цивилизация на месте прежних жестких ориентиров создает поле неопределенности, когда перед людьми открывается необъятный выбор, который им не по силам. Статья демонстрирует, что в этом выборе мало участвует рациональная рефлексия, а нередко доминируют привходящие факторы.

Ключевые понятия:
цивилизационная парадигма, ценности, установки, смысложизненная рефлексия, традиция, парадигмальный мировоззренческий выбор.

Проблема, которая волнует автора предлагаемой читателям статьи, это проблема связи цивилизационной парадигмы и динамичного реагирования людей на подвижную и неопределенную социальную ситуацию, взаимодействие глубинных установок с необходимостью личного выбора.

Цивилизационная парадигма, в нашем понимании, это совокупность «константных (то есть устойчивых, стабильных) способов поведения, которые помогают обществу выжить в условиях неблагоприятных воздействий внешней и внутренней среды.... Это своего рода методология решения жизненных парадоксов, отраженная в головах людей на сознательном и бессознательном уровнях. Она обладает постоянной изменчивостью на индивидуальном уровне и некой доминантой на более высоких ступенях общественных отношений» [1]. Такое представление о парадигме сложилось в гуманитарном сообществе, и в своих размышлениях мы будем опираться именно на него.

Являясь неким набором установок и стереотипов, цивилизационная парадигма включает в себя не только способы непосредственного реагирования, но и – часто в латентной форме – высшие цели, ценности, представления о добродетелях и пороках, о норме жизнеустройства и о мире (что является онтологической предпосылкой поведения и действия). Э. Фромм [3] в свое время писал, что у каждого человека есть «схемы ориентации и поклонения», причем схемы эти существуют бессознательно, не подвергаются специальному анализу. Таковы как раз цивилизационно-парадигмальные установки: они спаяны с поведенческими реакциями, с набором «ответов» на вызовы мира. И рефлексия на эти моменты, как хорошо показал это К. Ясперс, возникает чаще всего тогда, когда человек сталкивается с «пограничными ситуациями»: страданием, смертью, борьбой и виной. Без пограничных ситуаций (список которых можно было бы конкретизировать и расширить), без определенного «шока», выводящего за рамки повседневности, человек не начинает смысложизненной рефлексии, да она бывает и не нужна. К чему рефлексия, если смысл и так есть? И лишь когда привычное положение дел нарушается, когда наступает «обрыв постепенности», тогда и проявляется потребность в размышлении: как быть, что делать, во что и кому верить?

Правда, добротная цивилизационная парадигма, присущая традиционным обществам, несет в себе ответы *и на пограничные ситуации*. Так, традиционный здравый смысл в случае потери говорит: «Бог дал – Бог взял» или «А мы пить будем и

гулять будем, а смерть придет – помирать будем». То есть для «пограничных случаев» есть свой канон, который четко ведет человека, не позволяя ему слишком предаваться рефлексии. У народной мудрости много высказываний, годных на все случаи жизни и действующих лучше антидепрессантов. Церковный вариант традиционной парадигмы во всех перечисленных вариантах столкновения с потерей и страданием направляет людей к Богу, велит переносить мучения, потому что «Христос терпел и нам велел», указывает на временность земного пути по сравнению с вечностью загробной жизни.

Смена «цивилизационного типа» ставит человека перед ситуацией ценностно-целевой, смысловой и даже онтологической неопределенности. Так, переход в Европе от традиционного типа жизни к буржуазному в течение периода времени менял привычные стереотипы: человек лишался сословного статуса, опеки общины, данных извне норм поведения, а также ориентиров, прежних представлений об обществе и семье, Боге и мироустройстве. Соответственно возникала рефлексия о том, зачем жить и как переносить жизненные испытания. Но в Новое время это все-таки происходило не сразу, было растянуто на века. А вот история России, которая в течение одного века два раза меняла «цивилизационную парадигму», являет собой пример скорой и вынужденной смысложизненной рефлексии, которая актуализировалась для представителей двух-трех поколений.

Не трогая царского периода и советского прошлого, которые давали довольно внятные и безапелляционные ориентиры, обратимся коротко к современной ситуации, которая буквально заставляет хоть сколько-то мыслящих людей обращаться к вопросу о смысле жизни. Собственно, человеку, особенно молодому, надо определиться с рядом моментов:

1. С пониманием своего места в мире и целей своих стремлений.

2. Со способами времяпрепровождения и жизнеустроения.

3. С вопросом об отношении к смерти (в эпоху мощной секуляризации).

Ответ на три этих жизненно важных вопроса обычно вытекает из тех незримых парадигмальных представлений, которые выработаны у нас окружением и воспитанием. А если не выработаны? Если уже родительское поколение было подранено ценностно-целевым кризисом и не может передать детям не только сакрализованных, но вообще никаких устойчивых взглядов? Тут-то и должна начинаться смысложизненная рефлексия, которая, с одной стороны, спровоцирована высоким уровнем неопределенности и свободы, а с другой – важна в силу необходимости хотя бы лично для себя найти ориентиры. Очертим, пусть грубо, сферы этой рефлексии, свойственные западному рыночному обществу, обществу высоких технологий и личной свободы. Им в наши дни свойственны *размытость и множественность возможных предпочтений:*

1. *Высшие «метафизические» ценности:* возможна ориентация как на ценности традиционных или новых синтетических религий, так и на ценности исключительно безрелигиозного порядка: материальное богатство, власть, самоутверждение; отсюда варианты отношения к смерти: как к началу новой жизни, как к полному концу жизни, как к вхождению в вечность. В ходе личного жизненного пути современный индивид, не опасаясь осуждения, может переходить от одних взглядов к другим или вообще игнорировать проблему. Тогда рефлексия не возникает, и личность движется по жизни «как-нибудь», реагируя лишь на вызовы момента.

2. При обращении к *социальным ценностям* возможны ориентиры: на потребительство и обогащение, на творчество и карьерное самоутверждение, на патриотическое и гуманное служение, на созерцание, на «труд ради приемлемого уровня жизни»; на развлечения и «жуирство», и т.д. И дело не в том, что в индустриальном и постиндустриальном обществе для человека открыто много путей (если, конечно, он получил соответствующую подготовку и документы о ней), а в том, что в ценностном отношении современное общество глубоко противоречиво и в немалой степени двулично, что отмечал в свое время тот же Э. Фромм. Провозглашая гуманистические ценности, пусть не в христианском, а в «постхристианском» варианте, оно фактически поддерживает и прославляет богатство, власть, силу и нетерпимость, которую могут позволить себе сильные мира сего. Эмоционально-ценностные установки нашего современника неопределенно «зависают» между традиционной моралью и откровенным ницшеанством, иерархия ценностей не выстраивается. Нередко в ценностном отношении молодые люди просто примыкают к уже сложившимся группам, которые встретились на их пути, или к другим, достаточно суггестивным личностям, перенимая их личную систему ценностей, раз уж социум не в силах предложить ничего внятного.

3. В отношении *семьи и пола*: возможны ориентации на гетеросексуальность и семью; на гетеросексуальность, но без брака; на гомосексуальность (соответственно семью или

ее отсутствие); на соответствие своей половой роли и на принятие противоположной половой роли (всерьез или в игровом режиме); детей можно заводить, а можно не заводить – общество ничего не диктует. Эта «сбитость прицела» порождает сомнения, метания, недоумение, которые нередко выдаются за «свободу самоопределения». Избыток выбора разгорячает фантазию, заставляет искать «что-нибудь совсем оригинальное», в то время как в повседневной жизни могут доминировать одиночество и неустроенность – как бытовая, так и психологическая.

4. В отношении *моральных представлений* практически допускаются установки на то, что: морали нет (если Бога нет, то все дозволено); мораль мы изобретаем сами; христианская (индуистская, мусульманская и т.д.) мораль – единственно верная мораль; мораль подчинена прагматическим задачам – богатству и статусу; мораль сугубо ситуативна и каждый раз изменчива. Отсутствие единых моральных установок, казалось бы, также предрасполагает к рефлексии и самостоятельности, но чаще человек действует исключительно спонтанно, на уровне собственного эмоционального реагирования и в зависимости от того, насколько в нем присутствует способность сопереживания. Если ее нет, то, скорее всего, муки совести такому индивиду не грозят, ибо общество не сформировало в нем совесть.

Уже этот беглый обзор весьма серьезных и фундаментальных ценностных векторов, представленных в веере вариантов, показывает, что в цивилизационной парадигме индустриально-постиндустриального общества человек остается перед смысложизненным выбором, которого он нередко *не в силах совершить.* Его рефлексия изначально дезориентирована множеством путей-дорог, которые выступают почти на равных. У него нет твердой опоры, он не знает, каковы предпочтительные и одобряемые способы времяпрепровождения и жизнеустроения, зачем вообще ему жить, если жить некомфортно и приходится преодолевать трудности? Все равно умирать, как писал в свое время в одном из своих шуточных стихотворений А. Вознесенский: «В ящик рано или поздно, жизнь была, а на фига?»

Сибаритские установки «общества потребления», почитание им символических статусов, которые для большинства недостижимы, нередко делают существование «среднего человека» невыносимым, и он не знает, зачем вообще его влачить и ради чего терпеть (современная цивилизация – цивилизация нетерпеливых). Отсюда – высокий процент самоубийств даже в высоко обеспеченных странах, их совершают люди, не нашедшие смысла, не обретшие себя. Возможно, тот же Э. Фромм сказал бы, что слабое давление социума – это замечательно, потому что человека ни к чему не принуждает «авторитарная этика» и он может руководствоваться «этикой гуманистической», где он сам знает, что лучше и что хуже. Но – вот беда! – без консолидированного общественного мнения человек часто не знает, просто не ведает, что хорошо и что плохо, что может составить подлинный смысл жизни, а что – нет. Выбор – тяжелое бремя [2], тем более выбор смысла.

Рассмотрим коротко, *как возможен* парадигмальный мировоззренческий выбор, совершаемый в состоянии современной неопределенности, например, выбор метафизического плана, то есть предпочтение совокупности убеждений, связанных с мироустройством, которое, впрочем, нередко вытягивает за собой отношение к моральным проблемам.

Прежде всего, *откуда* берутся мировоззренческие убеждения, если они не являются результатом традиции?

В этом вопросе огромную роль играет семья и ближайшее окружение человека, они внушают ему первичные установки и представления о том, чем определяется людская жизнь, может ли сознание сохраняться после смерти, есть ли у мира, в котором мы живем, некий источник, и т.п. В наши дни в культуре «европейского человечества» (термин Э. Гуссерля) доминируют эмпирико-материалистические взгляды: мир существует сам по себе от века (теория большого взрыва – это уже объяснение); никаких «высших сил» нет, вера в них – лишь самообман; человек смертен и живет один раз, главное – чувственные удовольствия, материальные ценности и карьера.

Большинство людей с раннего детства получают от семьи и принимают как истину именно такие взгляды. Собственно, они ничего не выбирают, как в свое время не выбирали те, кто безраздельно верил в Христа, или те, кто сегодня верит в Аллаха. Отклонения от этой эмпирической схемы, подтверждаемой регулярно повседневным опытом, возможны под влиянием родных или друзей, увлеченных какой-либо религией или мистическим учением, под воздействием многочисленных религиозных и эзотерических сайтов Интернета, реже – под влиянием книг. Можно сказать, что в каком-то смысле древняя мировоззренческая традиция, связанная с образами трансцендентного, трансформировалась, она не умерла, но заняла локальное место, оставшись в сакральном пространстве Церкви, в сектах и новых религиях, в реальных и

виртуальных эзотерических группах и эзотерической литературе. Чтобы осуществить подобный нетривиальный в нынешних условиях выбор, нужен некий рывок, переступание порога, потому что при всей либеральной открытости возможностей и туманности горизонтов, переход на позиции взглядов, альтернативных общим, – это всегда нетривиальный шаг, сопровождаемый переживаниями и рефлексией. Последние годы постоянно идет разговор о роли Церкви в формировании мировоззрения, но Церковь, несущая христианские идеалы, только тогда сможет дать ориентиры сегодняшним людям, когда она, во-первых, сама будет соответствовать этим ориентирам, и во-вторых, когда она в полном смысле слова «пойдет в люди», объясняя заветы Христа, как объясняют азбуку, ибо большинство наших современников никогда не держали в руках Библию.

Как по способу переживания люди приходят к иному, чем прочие, мировоззренческому выбору?

Такой выбор может произойти непосредственно под влиянием эмоций, когда, например, в церкви некто, зашедший в храм без особых целей, вдруг ощущает необычное блаженство или прилив сил. В этом случае человек меняет мировоззренческую позицию спонтанно, рефлексирует позже, чем наступает эмоциональная перемена. Такой выбор может быть совершен и не в результате позитивных переживаний, а в результате страха перед смертью, спасение от которой обещает Церковь. Люди, пережившие тяжелые заболевания, воцерковляются, ведомые ужасом перед небытием и надеждой на спасение души.

Новый мировоззренческий выбор также может быть совершен вслед за симпатичным и близким человеком, который как бы ведет за собой своего друга, родственника или любимого. В этом случае получается, что выбора как такового вовсе нет, а есть добровольное следование за значимой и авторитетной фигурой. Такой переход просто не воспрещен в современных условиях.

Приобретение новых мировоззренческих позиций возможно в результате помощи, оказанной будущему неофиту той или религиозной группой. Так, например, человек может стать кришнаитом, потому что в трудные минуты жизни именно кришнаитская община собирала для него деньги, помогала его семье, успокаивала его и родных, кормила в бесплатной столовой. Тогда кришнаитский круг становится родным домом, его взгляды и установки рассматриваются как наиболее мудрые и гуманные, а холодный атеизм вместе с православием, «страшно далеким от народа», оказываются забыты. Чувства благодарности, надежды и опоры определяют направленность мировоззренческого выбора и всех рефлексивных «рационализаций» (термин З. Фрейда), которые человек совершает, доказывая себе верность избранного пути. Это касается не только кришнаизма, но, например, протестантских сект, которые вовлекают в свой круг одиноких людей, готовых сменить свои взгляды, уповая на тепло дружеского круга единоверцев.

Мировоззренческий выбор «из веера возможностей» совершается порой согласно веяниям моды, особенно если эта мода дает дополнительное поле для самоутверждения. Например, модное в 90-х годах и по сей день существующее неоязычество проявляет себя как достаточно критическое к христианству и агрессивное направление, создающее едва ли не «боевые отряды», в которых неофиты-язычники, могут показать свою физическую силу, мощь, влияние, волевым и силовым образом воздействуя на людей, не разделяющих их мнений. В такого рода выборе, вероятно, не так уж много «мировоззренческой рефлексии», но есть жажда влияния, которая нашла подходящую для себя форму.

Наконец, мировоззренческий выбор, к примеру эзотерических доктрин, может осуществляться в результате чтения книг и общения с практикой экстрасенсорики. Это путь интеллектуалов, которые действительно много рефлексируют, сомневаются, колеблются, уповают на научное обоснование своих новых взглядов или опираются на личный опыт измененных состояний сознания (что, в сущности, бывает гораздо реже).

В рамках этой статьи для нас важно подчеркнуть, что никакие внешние факторы не определяют и не направляют однозначно процесс мировоззренческого выбора (так же как морального, сексуального, политического и т.д.). Есть определенное психологическое давление материалистического и прагматического подходов, но оно не абсолютно. Человек во многом предоставлен сам себе, своим соображениям, колебаниям и рефлексиям, и, в этом смысле, сам за все в ответе – за свою душу и за свой образ и стиль жизни. В этом есть и плюсы, и опасности. Одним из следствий предоставленной свободы выступает уже упомянутая нами циклическая смена убеждений: побыл материалистом – стал христианином, разочаровался в христианстве – перешел в язычники, не понравилось язычество – стал кришнаитом, и т.д. и т.п. Люди становятся «мировоззренческими летунами», всякий раз меняют позицию, что, конечно, для самой личности не так опасно, как постоянное стремление менять пол: побыл

мужчиной, стал женщиной, надоело – хочу опять стать мужчиной... Но тут уж вступают в силу серьезные ограничения.

Как можно заметить из сказанного, ценностно-целевая неопределенность не приводит непременно к активному и плодотворному размышлению об устройстве мира и смысле бытия. Наши торопливые и жаждущие земных благ современники, даже стремясь к воззрениям, альтернативным ведущему тренду, идут, скорее, на поводу непосредственных переживаний и не стремятся напрягаться ради смысложизненных размышлений – это трудно. Поэтому они «плывут по воле волн», их судьба оказывается в огромной степени наполнена случайностями и управляется (явно или неявно) другими людьми, обстоятельствами, символическими приоритетами и авторитетом близких. Хорошо, если авторитетом благонамеренных родителей, а не корыстных владельцев «магических театров» (Г. Гессе). «Думание» нередко отключается, решают чувства: мало выбора – плохо, много выбора – еще хуже.

Разумеется, идеальным вариантом для здоровой смысложизненной рефлексии, пробуждаемой лишь действительно важными обстоятельствами, было бы «здоровое общество» в духе утопии Э. Фромма. Но его нет. Мы живем в том мире, который есть, и он нас во многом устраивает (мало кто мечтает всерьез о возвращении в суровый режим идеологической диктатуры или религиозного фанатизма). Поэтому, наверное, так важно не только «пребывать в цивилизационной парадигме», но и строить ее, создавать, обосновывать, разрабатывать ее внятные ценностные установки гуманистической направленности. А это – священное дело философии.

1. Пименов, Н.И. Понятие цивилизационной парадигмы [Электронный ресурс] / Н.И. Пименов. URL: http://iecivil.ru/book2/b_2_3.htm (дата обращения: 07.04.5015).

2. Салецл, Р. Тирания выбора [Текст] / Р. Салецл. М.: Изд. Дом «Дело» РАНХ и ГС, 2014. 160 с.

3. Фромм, Э. Человек для самого себя [Текст] / Э. Фромм. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.

References

1. Pimenov N.I. Ponjatie civilizacionnoj paradigm, available at: http://iecivil.ru/book2/b_2_3.htm (accessed 07.04.5015) [in Rus].

2. Salecl R. (2014) Tiranija vybora. Moscow, Izd. Dom «Delo» RANHiGS, 160 p. [in Rus].

3. Fromm Je. (1992) Chelovek dlja samogo sebja Minsk, Kollegium, 253 p. [in Rus].

UDC 304.2

PRESENT-DAY SOCIETY: PROBLEM OF LOSS OF PARADIGM OBJECTIVES

Zolotukhina-Abolina Elena Vsevolodovna,
Southern Federal University,
Institute of Philosophy and Sociopolitical Sciences,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Annotation
The article deals with the problem of how civilization paradigm defines people's worldview attitudes. The author shows that traditional society founded on transferring basic values and objectives gave people firm key orientations both in ordinary and border-line situations. Present-day market highly technological civilization creates an area of uncertainty in the place of former firm orientations, when there is a great choice which people cannot cope with. The article shows that rational reflection takes less part in this choice than circumstantial factors which more often dominate.

Key concepts:
civilization paradigm,
values,
objectives,
life-purpose reflection,
tradition,
paradigm worldview choice.